

«Во время спектакля по пьесе А. Абдуллина «Тринадцатый председатель» в Томском драматическом театре меня не покидало ощущение, что все это было в моей жизни» (Н. С. Жульева, директор совхоза «Кузовлевский», Томская область).

Это лишь один отзыв — из множества — о пьесе, впервые поставленной в Москве Театром имени Евг. Вахтангова и ныне идущей на десятках сцен в разных концах страны. Видно, в «десяtku» попал Азат Абдуллин...

А родился и вырос он, как сам говорит, среди скотоводов Южной Башкирии. После Башкирского педагогического института учил ребят истории в школе. Затем окончил аспирантуру Литературного института имени А. М. Горького, одновременно занимаясь в семинаре Константина Георгиевича Паустовского, и стал преподавать в Башкирском университете. Первал пьеса Абдуллина была поставлена в 1963 году, первая повесть опубликована спустя несколько лет...

Мы встретились, когда в дискуссии о деловом человеке на страницах «ЛГ» была уже поставлена точка. Но, верно, завершить дискуссию на газетной полосе проще — в жизни-то она идет «из номера в номер».

— Можно ли какие-то ситуации «Председателя» проиллюстрировать «живыми» примерами? Всегда интересно, что осталось там, «за надзором»...

ДРАМАТУРГ, ПЬЕСА, ЖИЗНЬ

Азат

АБДУЛЛИН:

НА ВЫСОКИЙ ХОЛМ...

— Ну, возьмем актуальную проблему — сезонность труда в деревне. В прошлом году, как специальный корреспондент газеты «Сельская жизнь», я был в Башкирии у руководителя одного из районов. Спросил: «Чем занимаются крестьяне зимой?» — «Поскольку полевых работ сейчас нет, по гостям ходят, брагу пьют». — «Все-таки не лучшая форма времяпрепровождения...» — «Что поделаешь, — вздыхает. — Люди тяжель на подъем...» Тогда я попросил отвезти меня в любой колхоз и найти старую женщину — лет семидесяти пяти, не моложе.

В первом же колхозе мы с руководителем района зашли в дом. Видим: сидит дородная старуха башкирка и газету читает. «Тетенька, — говорю я ей, когда поздоровались, — скажите, пожалуйста, чем занимались здесь зимой до колхозов?» «Милый, — отвечает, отложив газету, — зимой иногда потрудней, чем летом, работали. У нас зимой мужики сани делали, телеги, колеса, веревки вили, овчину выделывали, шкуры обрабатывали; женщины шали пуховые вязали — коз было много, варежки, носки; валенки валяли, а еще — шапки делали, ковры...» — «А что теперь зимой делают?» — «Можно сказать, ничего». — «А вот кое-кто считает, ничего не делают, потому что тяжело на подъем». «Ага, лентяй, значит... Кто так о нас думает, тот сам лентяй», — отрезала старуха. Я поблагодарил ее, и мы уехали.

— Что же сказал на обратном пути ваш спутник?

— Молчал всю дорогу...

Проблема сезонности труда — одна из острых в нашем сельском хозяйстве, о ней в числе прочих я хотел сказать в своей пьесе. Тут еще надо учесть, что если крестьянин 5—6 долгих зимних месяцев практически ничего не делает, он отвыкает от работы, во многом теряет профессиональный навык, самоуважение.

Еще одна иллюстрация к тому, что вошло в пьесу не впрямую, а обобщенно. В январе этого года в газете «Труд» была опубликована примечательная статья: в ней на вопрос корреспондента — почему в магазинах нет дубленок? — директор Читинской овчинно- меховой фабрики ответил: «Плохую услугу нам долгое вре-

мя оказывал народнохозяйственный план по шерсти... Порода овец может быть ориентирована только на овчину (грубошерстная) или только на шерсть (тонкошерстная). Систематически породы овчинного направления замещались теми, которые обеспечивают выполнение плана по шерсти. И когда пришла мода на дубленки, поголовья грубошерстных овец у государства практически не осталось».

Казалось бы, проблема эта — сугубо экономическая, значит, лежит вне сферы художественной литературы. Но давайте посмотрим на нее с другой стороны: где были те люди, из-за которых производство овчины и шуб, как сказано в той же статье, «на рубеже 80-х годов оказалось полностью зависимым от поставок сырья со стороны частных лиц»? Где были ученые, руководители сельскохозяйственного производства? Могу ответить: они, каждый на своем месте, выполняли план, существовавший на то время. А о том, что будет через 10—20 лет, не думали. Спрашивается, деловые ли они люди? В моем понимании — нет.

Вообще, мне кажется, деловитость никак нельзя рассматривать в отрыве от таких качеств, как, скажем, принципиальность и честность. Например, если руководитель райо-

на, не использовав ни резервов производства, ни ресурсов человеческой инициативы, приходит в планирующие органы и требует денег, можем ли мы сказать, что он деловой человек? Если председатель колхоза, обходя мелиорацию, не улучшая сорта семян, свои недоделки на земле перекрывает химизацией, — деловой ли он? А если директор совхоза, оставляя запущенными угодья, заготавливает для скота веткорм и губит лес, то как его назвать?

И последний вопрос: как вы соотносите «гражданский заряд» художественного произведения и требования «чистого» ремесла?

— В нашем народном эпосе «Кузы-Курпес» есть слова, обращенные к певцам: взойдите на высокий холм, чтобы повесть истину. Это надо понимать, разумеется, символически. Во все времена народные певцы, обладавшие, кстати, и талантом поэта-импровизатора, художника слова, возвещали о том, о чем думал и мечтал, на что надеялся их народ. А это предполагало незакабаленность мелкими страстями, душевную окрыленность, мужество. С высоких холмов разносились песни, воспалявшие умы, как будто передавали горящие угли — из ладони в ладонь. Потому-то художники всегда были и «часовыми идеалов», а идеалы требовали мужества. Мы помним памятник, воздвигнутый Пушкиным мужеству моего народа: «Башкирец с трудом шагнул через порог (он был в колодке) и, сняв высокую свою шапку, остановился у дверей... У него не было ни носа, ни ушей... он был малого роста, тощ и горблен; но узенькие глаза его сверкали еще огнем...» Такой была когда-то плата за мужество...

Прошли сотни лет, свершилась Октябрьская революция. Никто сейчас не режет ушей и носов. Однако борьба за конкретные высокие цели, как это видно на примере героя «Тринадцатого председателя», и сегодня требует мужества. Мне хотелось, чтобы рассказ об этом помогал людям в решении их собственных больших и малых проблем — вот в чем, думается, главная миссия драмы. Если же вы спросите, почему мне вспомнились слова из эпоса, обращенные к певцам, я отвечу: «высокий холм» — это трибуна театра.

Потрясение, которое люди испытывают, вовлекаясь в сценическую драму, обостряет восприятие происходящего в реальной жизни. Естественно, что для этого и конфликты, и характеры, и ситуации, предлагаемые автором и театром, должны быть узнаваемы, а главное, очерчены рукой художника-гражданина. Естественно, знание ремесла, профессионализм в литературе имеет огромное значение. Однако произведения, где есть только мастерство ремесленника и нет желания вмешаться в жизнь, чтобы изменить в ней что-то к лучшему, помочь стране и народу, — потерянные... Об этом еще раз напомнил на днях Л. И. Брежнев в речи по случаю вручения ему Ленинской премии: «Вторгаться в практическую жизнь, помочь народу яснее понять смысл этой жизни и направление ее течения, помочь делать эту жизнь лучше, правильнее, светлее, богаче не только материально, но и духовно — что может быть важнее и благороднее?»

Зов большой литературы обязательно услышат, если понятен язык, если людей волнуют те же проблемы, что и художника.

Вообще, я думаю, искусство — это желание, чтобы кто-то другой был лучше нас.

Беседу вел
Григорий ЦИТРИН